

С. С. Ваулина, Д. А. Серганова

**МОДАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ
АВТОРА ПАМЯТНИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
«ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА»**

12

Рассматривается модальная организация «Поучения Владимира Мономаха» с точки зрения жанровой принадлежности и целевой установки данного памятника. Выявляются план содержания авторской модальности и средства ее выражения в тексте произведения. Устанавливается роль авторской модальности в создании портретной характеристики Владимира Мономаха как человека и государственной личности.

The article deals with the modal organization of the Old Russian literary work "The Testament of Vladimir Monomakh", its genre and purpose. The article identifies the plane of content of author's modality and the means of its representation in the text of the manuscript. The authors establish the role of the author's modality in the creation of Vladimir Monomakh's portrait characteristic, which describes him as a person and a statesperson.

Ключевые слова: модальность, авторская модальность, значения побудительной модальности, жанровая специфика древнерусских текстов, поучение

Keywords: modality, author's modality, the meanings of incentive modality, genre specific of the Old Russian texts, testament

Языковая модальность как одна из ключевых семантических категорий, устанавливающих непосредственную связь высказывания с внеязыковой действительностью, за достаточно длительный срок ее активного изучения (более 70 лет) получила солидную разработку как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (см. об этом подробнее: [3]), а «продолжающиеся исследования в этой области носят практический или уточняющий характер и не разрушают основных положений концепции модальности, суммарно намеченных применительно к русскому языку еще академиком В. В. Виноградовым» [4, с. 8–9]. При этом накопленные научные сведения о данной категории создали условия для ее расширенного анализа, основанного на вынесении модальности за пределы предложения-высказывания в текст (см. об этом подробнее: [12]), в результате которого акцент делается на прагматическом аспекте данной категории и на передний план выдвигается рассмотрение самого акта коммуникации, где важную роль выполняют взаимоотношения автора текста и читателя и где, как справедливо отмечает И. Ю. Кукса, «выражается эмоционально-волевое отношение говорящего, направленное на выполнение определенной программы действий участников речевого акта» [9, с. 44].

В контексте вышесказанного при исследовании модальной организации текста в настоящее время весьма актуальным является анализ комплекса проблем, связанных с понятием авторской модальности и спецификой ее реализации в разножанровых текстах не только в синхронном, но и в диахроническом аспекте, в частности в древнерусских текстах, представленных, как известно, достаточно большим жанровым разнообразием (житие, поучение, слово, военная повесть, летопись, хронограф, четьи-минеи, патерик, апокриф, послание). Обращаясь к анализу текстов древнерусской письменности, важно учитывать особенности их жанровой принадлежности, поскольку, как считает И. П. Еремин, «в средневековой литературе отдельные жанры еще не успели приобрести чисто “литературного” характера; помимо литературного, они имели еще и практическое, “деловое” назначение (жития были тесно связаны с культом святых; летопись служила важным историко-политическим документом...). Очень возможно, что эта дополнительная, “деловая” функция жанров средневековой литературы и явилась причиной известной их обособленности. Каждый жанр средневековой литературы был относительно крепко скован определенными правилами, соответствующими “деловой” сфере его применения» [7, с. 241]. При этом, по мнению Д. С. Лихачева, «жанровые разграничения в древнерусской литературе были настолько велики, что опыт одного жанра не скоро мог быть перенесен в другой» [11, с. 7]. Здесь речь идет прежде всего о том, что «в литературе Древней Руси гораздо большую роль, чем авторское начало, играл жанровый признак» [11, с. 56].

Вышеприведенные наблюдения исследователей позволяют предположить, что в каждом из жанров древнерусской письменности авторская модальность выражалась в разной степени и на первых этапах существования древнерусских памятников целенаправленность соответствующих текстов не пересекалась.

Вполне очевидно, что наиболее ярко авторские интенции в памятниках древнерусской письменности, созданных на этапе зарождения и становления древнерусского языка как языка книжности, проявлялись в жанре поучения, поскольку в нем преследовалась цель побудить адресата к действию, достигаемая именно при выражении личностного начала в тексте, в отличие от произведений, относящихся к жанрам, целью которых было описание исторических событий или жизни святых, что, разумеется, сводило роль автора в тексте к минимуму.

Почтение как жанр, укрепившийся на территории Руси в связи с распространением христианства [10, с. 64], носит нравственно-дидактический характер. Цель авторов данного жанра — дать нравственные ориентиры, показать примеры, убедить адресатов следовать установленным заповедям. Отчетливо выделяются два вида поучений: торжественные поучения (изложение проблем государственного и/или общественного порядка, рассчитанное на грамотную, элитарную аудиторию) и дидактические поучения (изложение преимущественно нравственных истин, рассчитанное на самую широкую аудиторию). Важной особенностью построения поучений является наличие в них конкрет-

ного адресата — часто используются обращения (*дети мои, чадо, братья, княже* и т. п.) Так, по наблюдениям исследователей, достаточно часто встречаются поучения отца к сыну или детям (см., напр., [2]). Как отмечает И. П. Еремин, «поучения обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались или произносились на общедоступном, живом, разговорном древнерусском языке» [6, с. 65].

«Касаясь преимущественно вопросов государственно-политических или моральных, — отмечает В. В. Кусков, — писатель верит в силу слова, в силу убеждения. Он обращается не только к своим современникам, но и к далеким потомкам с призывом заботиться о том, чтобы славные деяния предков сохранились в памяти поколений и чтобы потомки не повторяли горестных ошибок своих дедов и прадедов» [10, с. 8]. При этом сама личность автора поучения отражалась в тональности его речи: например, речь великого князя имела более ультимативный характер по отношению к адресатам (родным детям, духовенству, князьям, простым подданным) в сравнении с речью лиц, находящихся по статусному положению ниже. Конечно, на выбор языковых средств при написании текста влияла и личность адресата — поучения к князьям писались в торжественно-пафосной манере, к простым людям — более доступным языком и носили дидактический характер. Такую стилистическую специфику отчетливо демонстрирует памятник периода истории русского литературного языка, который исследователями обозначается как донациональный, киевский период (X — начало XII в.), — «Поучение Владимира Мономаха», написанное между 1099 и 1118 гг.

Следует заметить, что вопрос о жанровой принадлежности «Поучения Владимира Мономаха» в современной научной литературе является дискуссионным. Так, например, Т. Н. Копреева отмечает, что в данном памятнике присутствуют черты автобиографической прозы (см. об этом: [8]), а Л. Г. Дорофеева предлагает для обозначения жанра памятника определение «исповедь-самоотчет»¹, поскольку, как отмечает исследователь, способ создания текста «определяется смиренным типом отношения к жизни его автора, который, конечно, пишет не собственно поучение и не собственно автобиографию и не является собственно героем своего творения» [5, с. 97], а когда «звучит собственное слово автора, оно представляет собой внутренний непрерывный диалог, работу души» [5, с. 101]. Не подвергая сомнению правомерность высказываний о том, что в произведении Владимира Мономаха, которое автор писал, по его выражению, «съя на санех» [13, с. 392], то есть в конце своего жизненного пути, присутствуют черты и автобиографии, и исповеди, все же считаем, что исследователями не вполне учитывается целевая установка данного произведения, состоящая для автора не только в том, чтобы рассказать о своей жизни и исповедаться, но и в том, чтобы на личном примере убедить читателей жить в согласии с мирскими законами и христианскими заповедями. В контексте вышесказанного уместным представляется замечание Е. И. Сарина: «особенностью авто-

¹ В данном случае Л. Г. Дорофеева использует незначительно варьированный термин М. М. Бахтина «самоотчет-исповедь» [1, с. 121].

биографического дискурса проповеднического типа в Поучении Владимира Мономаха является то, что автор свой жизненный опыт расценивает в качестве образцового, достойного подражания» [15, с. 275]. Таким образом, можно считать, что «Поучение Владимира Мономаха» представляет собой классический образец жанра поучения, и символично с этой точки зрения второе название произведения – «Поучение к детям». Мономах обращается не только к своим родным детям, но и ко всем своим подданным: «Да дѣти мои, или инъ кто» [13, с. 392].

Содержательную основу модальной организации «Поучения Владимира Мономаха» в соответствии с его жанровой направленностью составляет побудительная модальность, реализующаяся в частных модальных значениях совета / рекомендации (22 случая реализации), просьбы (8), мольбы (4).

Преобладающим средством выражения данных значений в тексте является повелительное наклонение, которое представлено в «Поучении» морфологически, то есть посредством использования глаголов в форме повелительного наклонения, обладающих семантикой побуждения (*не посмѣйтеся, потѣснися, уклонися, створи, взищи* и др.). Данные экспликативы, будучи ядерным средством выражения побудительной модальности, выступают в составе как простых, так и сложных предложений. При этом наибольшая частотность их функционирования в рассматриваемом произведении зафиксирована в простом предложении при реализации следующих частных значений побудительной модальности:

– совета / рекомендации: «Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣквѣка» [13, с. 394]; «Научися, вѣрный человекче, быти благочестию дѣлатель» [13, с. 396]; «Лжѣ блюдиися и пьянства и блуда» [13, с. 396]; «Епископы, и попы и игумены... с любовью взимаите от них благословенье, и не устраняйтеся от них, и по силѣлюбите и набдите, даприимете от них молитву... от бога» [13, с. 398]; «Старыячти яко отца, а молодыя яко братью» [13, с. 400]; «Се же вы конець всему: страхъ божий имѣйте выше всего» [13, с. 400];

– просьбы: «Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочеть, не хвалю бося ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго с елико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя бытъ створилъ, худаго, на вся дѣла человекъская потребна» (408); «Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его» [13, с. 408];

– мольбы²: «Измий мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящихъ безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». <...> Покры мя от соньма лукаваго и от множества дѣлающихъ неправду» [13, с. 394]; «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буеть» [13, с. 396]; «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявсья, оправдивъ животъ» [13, с. 400].

² Отметим, что частное значение просьбы используется автором при обращении к реальным людям, его современникам, а мольба, в отличие от просьбы, направлена к божественным силам.

Также в модальной функции побуждения достаточно часто выступают глаголы в форме повелительного наклонения в условных сложноподчиненных предложениях, в которых реализуется «взаимная связь ситуаций предопределяющей и предопределенной, то есть ситуации-следствия» [14, с. 562–563]. Применительно к рассматриваемому нами тексту модель данных синтаксических конструкций можно схематично обозначить формулой «Аще... то...» / «Аще не... то...», где в придаточной части предложения содержится указание на условие, сформулированное адресантом, при выполнении (или невыполнении) которого должно осуществиться (или не осуществиться) действие адресата, названное в главной части. Таким образом, в рамках сложноподчиненных предложений указанного типа у автора «Поучения» появляется возможность более развернутого выражения своих модальных интенций, усиливается пафосность его речи. Ср.: «Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братъи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ» [13, с. 398].

В предложениях подобного типа реализуются те же частные значения побудительной модальности, которые зафиксированы нами и в простых предложениях, а именно совета / рекомендации: «Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды» [13, с. 398]; «Послушайте мене: аще не всего примете, то половину» [13, с. 398]; «Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе-сорома, и вамъ будетъ добро» [13, с. 400].

Иногда рекомендации автора «Поучения» имеют категоричный характер, приближающийся к значению угрозы, что раскрывается в содержании контекста. Ср.: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа *не погубляйте* никакая же хрестьяны» [13, с. 398]. Однако примеры подобного типа единичны, поскольку в целом не свойственны модальной тональности речи князя Владимира. Если обратить внимание на количественное соотношение частных модальных значений в тексте, то станет очевидно, что личности автора соответствует наставляющий, а не угрожающий тон, однако в случаях, связанных с религиозными установками Древней Руси и религиозным сознанием древнерусского человека, их употребление оправданно, поскольку в таких моментах автор стремится подчеркнуть важность послушания человека перед божественными силами и жизни в согласии с христианскими заповедями.

Следует также отметить немногочисленные случаи употребления в речи автора «Поучения» вводных слов и словосочетаний с модально-оценочным значением уверенности (*поистинѣ, Бога дѣля; всего же паче*), способствующих усилению побудительной тональности рассматриваемого текста: «Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ» [13, с. 396]; «А Бога дѣля не лѣнитися, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ улучити милость Божью» [13, с. 396]; «Всего же паче

убогых не забывайте, но елико могуще по силъ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити челоуѣка» [13, с. 398].

Таким образом, анализ средств выражения модальных значений, образующих смысловую основу древнерусского памятника «Поучение Владимира Мономаха» и реализующихся в частных значениях побудительной модальности, позволяет раскрыть многоаспектный портрет личности его автора — князя Владимира — в совокупности его морально-нравственных взглядов, устремлений и интенций, составляющих сущность авторской модальности в тексте рассматриваемого памятника. Как справедливо указывает Т. Н. Копреева, в «Поучении» Мономах предстает как «государственный и политический деятель, который выступает на фоне психологических переживаний простого смертного — отца, брата; идеал дохристианского воина-героя переплетается в нем с идеалом христианского государя» [8, с. 100].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бугославский С. А., Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы : в 10 т. Т. 1. М. ; Л., 1941. С. 289–297.
3. Ваулина С. С. Традиционное и дискуссионное в научных подходах к модальности // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка : монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст [и др.] ; под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018. С. 7–42.
4. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. 2010. С. 8–13.
5. Дорофеева Л. Г. Поучение Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8: Сер. Филологические науки. С. 97–101
6. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
7. Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. ; Л., 1966.
8. Копреева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27.
9. Кукса И. Ю. Специфика реализации коммуникативного потенциала модальности на исторических этапах функционирования русского языка // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст [и др.] ; под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018. С. 43–105.
10. Кусков В. В. История древнерусской литературы : учебник. М., 1998.
11. Лихачев Д. С. Избр. тр. по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
12. Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. 2001. №4. С. 99–105.
13. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 392–413.
14. Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2.
15. Сарин Е. И. Специфика автобиографического дискурса в Поучении Владимира Мономаха // Вестник Брянского государственного университета. 2014. №2. С. 274–279.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: svaulina@mail.ru

Дарья Александровна Серганова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: serganova-dasha@mail.ru

The authors

Prof. Svetlana S. Vaulina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: svaulina@mail.ru

Daria A. Serganova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: serganova-dasha@mail.ru